

Богдан БЕЙК

Богдан Бейк родился в 1996 году в Екатеринбурге. Учится в Екатеринбургском государственном театральном институте на пятом курсе по специальности «Литературный работник» (худ. руководитель Юрий Казарин). Работал библиотекарем, библиографом, курьером. Участник и стипендиат 18-го Международного форума молодых писателей России, СНГ и зарубежья. Публикуется впервые.

СГОРАНИЕ

Рассказ

Север

Ты умираешь. Вкус огня – черный, но тебе он еще не знаком, ведь первая смерть твоя закончилась совсем недавно, и были между нами цветы, всегда только цветы. Ты снова ничего не знаешь, беззаботный, прижимаешь меня к себе, целуешь волосы и ладони. Ночью, в свете фонаря за окном, я смотрю на твое спокойное лицо, на подрагивающие ресницы, которые я сам опускал, содрогаясь. Ты еще меня помнишь, а я себя, кажется, забываю, живу тебя, сколько еще осталось сил, только слышу рядом твое дыхание.

Тогда, в день до твоего возвращения, был утренний воздух бел и жесток. Вдоль высоковольтных я шел домой, сжимая шуршащий букет в серой бумаге. Иногда я останавливался среди высокой травы, а она обнимала мои колени, шептала, хотелось спать. Я гадал, не замерзнут ли цветы на этот раз, а мир устало смыкал веки – зеленое и серебряное. Как всегда, снимая уже на лестнице шарф, я толкаю плечом стеганую дверь. На втором набираю в вазы воду, думая о потерях, о неготовности терять. И разве можно быть готовым, ведь я хотел сказать, как ты важен, сколько значишь для меня, хотя, наверное, мы говорили об этом совсем недавно, но все снова превратилось в нелепое бормотание, нас утянул на дно груз замолчанных слов. Остались невысказанными оба.

Хрусткие стебли хризантем падали в раковину, кожа пропиталась их горечью. Я закурил восьмую сигарету, когда солнце выхватило из полумрака комнаты желтые головки цветов; прижигал волоски на руке из скуки, пытался сложить слова в голове заново. И все они забылись, потому что теперь некому было их говорить, некому было слушать. Я задернул шторы в шесть, чтобы в бледном мерцании телевизора никто не увидел меня с улицы. Это как раньше – когда мне, возможно, нравилось чувство страха перед теми, кто мог увидеть мои пальцы в твоих, интерес, когда начинается твое тело, кому принадлежит мое наслаждение. А теперь я прихожу, срезаю стебли, задерживаю шторы, натянутый смех, сигареты, порно, – все одинаково, не греет куртка из бетона. Но ты вернешься, ты всегда возвращаешься. Я обещаю тебе.

Тео, так красив был твой уход, все свершилось, как ты хотел. Я подстриг твои волосы и ногти, помог лечь удобно, ты был в центре внимания – такой нежный среди гранитных стен. Одолеvalo желание лечь на пол, уснуть, чувствуя, как ты согреваешь меня. Наверное, обняв ладанный воздух, я спросил бы: кому из нас горячее сейчас, кто сгорает больше? Так спать хотелось после холодной улицы, а в крематории всегда тепло, ведь ты поэтому уснул? Да, тебе тоже было холодно. Я видел, как дрожат твои голубые губы, и я знаю теперь наверняка: зелень нужна, чтобы скрыть здоровый румянец, а иначе – зачем столько цветов?

Но никто не заметил. Под треск свечей все молча катали шарики из воска, чтобы после вложить их в детские уши: они не услышат зла, все повторяли. Опустили глаза из стыда в тот день, но опусти они их сейчас, то увидели бы, как по весне вместе с фиалками

и подснежниками из земли поднимаются к нам руки любимых. Ты знаешь – я тебя не отпускал, не предавал, как это сделали они, неопределенного возраста и лица. В тебе смысл, в тебе не только ты, а все наши жизни, поэтому ты не можешь уйти.

До тебя по ночам – у разных дверей, нет дома и хлеба, и я слышал, что люди так быстро стареют. Когда всюду расплесканы жемчужины, и пыль от моих перемолотых другими костями танцует в огнях, – все поставлено на карту чужих желаний. Я иду не теми дорогами, за каждым поворотом болтаются петли, остаются засечками на моей истончившейся коже те, кто ласкает себя. Слоняюсь без дела, бесконечные пальцы, холодные пальцы, обхватывают шею, проникают насквозь в мои плечи и горло, все чешется от взглядов, которыми они кормят меня. Я дождусь звонка и поеду куда-то, чтобы еще немного чувствовать себя нужным. Я не умел нежность, я не знал, что ее выражает – какие движения, какие слова. Я знал лишь, что спина – это про любовь, возможно. Похоть – она всегда рядом с гневом, она ниже. И так я изучал их и себя в смятых кроватях, в лицах за секунду до, в лицах после. От подъезда к подъезду, сдирая белые пленки, от подъезда к подъезду, пока я не встретил тебя.

Тео

Весна. Оцепеневшая ночь набросила плотную шаль на город, приглушив слишком яркий свет из окон. Фиолетовые облака растворялись холодом. Он опускался мне на щеки, на шею, на плечи. Я увидел Севера на качелях в одном из окраинных дворов, почувствовав одновременно тревогу и жалость. Тонкая куртка на голое тело была растегнута, обнажая острые ключицы, дым сигареты лип к тонким пальцам левой руки, потрепанные кеды без шнурков погружены в грязный сугроб с тонкой коркой льда. Я не мог знать, что это он увидел меня первым, привел в этот двор и заставил смотреть вместе с ним на пробегающий вдалеке серпантин электричек.

– В самый поздний час, когда стемнеет так, что захочешь открыть открытые глаза, я иду к станции, – сказал Север. – Там никого никогда нет, из вагонов никогда не выходят люди, даже если поезда стоят подолгу. На путях рядом есть такие синие огни, они всегда близко к земле, дрожат и расплываются. На самом деле это глаза, но не такие, как у домов. Дома всегда попусторонни, указывают путь здесь, а на путях – всегда туда зовут.

Я сел рядом, приблизившись лицом к его рукаву, но не смог пересилить себя и уткнуться носом. Он протянул мне сигарету, мы курили молча. Я смотрел на него, испытывая интерес к его скулам, рукам, запаху. Странно, что эта несовершеннолетняя невинность привлекала, пусть в Севере были видны следы истертости и распутства, однако ни одно его движение или вздох не вызывали у меня отвращение.

– А знаешь, я видел тебя в глазах замерзшей птицы, – сказал я. – Мне кажется, ты упал со снегом зимой и теперь никак не можешь вернуться. Где твои перья, птица?.. Ты устал летать? Птицы, они те же ангелы, но и они устают летать, падают на землю, только никто никогда этого не видит. Всегда нужно улучить момент, чтобы упасть и остаться незамеченным.

Я и не знаю отвращения, не знаю интереса красоты и возбуждения. Я не знаю, что Север может испытывать вину за наслаждение, противоречивое чувство собственной омерзительности, даже ущербности и ничтожности после наслаждения. Не знаю, что вместе с этим приходит возвышенность, гордость и мысль, что никто тебе больше не нужен, только ты сейчас значим, а все остальные лишь слюна и тени. Севера убивала смесь стыда и превосходства, он скажет потом это, а я все равно не пойму.

– А тебя земля не держит, – Север посмотрел на мои ноги.

– Да, действительно... У тебя есть дом?

– Не знаю, я не думал об этом. Но я могу проводить тебя, если хочешь.

Он повел меня над запорошенным асфальтом, над прошлогодними гнилыми листьями, плавающими бурными пятнами в серо-желтых лужах, а я едва перебирал

оторванными от земли ногами, ведомый слабой рукой вихрастого мальчика. Он что-то щебетал всю дорогу, практически шелестел едва слышно, как мелкая, но бурная речка.

Мы нашли квартиру, где, вероятно, находился когда-то притон или что хуже. Окон здесь почти не было, пришлось заклеить их пустоты выкрашенными в лиловый газетами. Окно осталось только в спальне, занавешенное тяжелыми черными шторами, за которыми кто-то пытался спрятать яркий золотой луч фонаря. По стеклу шла мелкая сеть трещин и царапин, это напоминало вечную наледь. Стены, наспех одетые в шелушащуюся голубую краску, в этом свете становились похожи на множество спящих голубянок.

– Я никогда не навязываю себя, – сказал Север, – потому что когда-нибудь все изменится, и мы окажемся далеко.

– Расстояние всегда сокращается хризантемами. Живые растения пьют землю, а смотрят в небо, поэтому они всегда посередине и только между.

Север

Я не мог касаться его. Он похож на серебристую рыбу, похож на тонкое крыло бабочки, которое нельзя задеть, не причинив боль. И мне не хотелось впервые ничего, кроме смотрения и проникновенных вдохов его. Хотелось встать на колени и молиться на Южный Крест в полушарии его левых ребер, тереться лбом о неясные шрамы у лопаток. Они никогда не заживают, говорил он, распаковывая новый бинт, всегда кровоточат, но к этому привыкаешь. Возможно, есть что-то большее, чем тело и эти горячие привязанности к частям, подумал я тогда.

Он ходил на работу, а я вкладывал в его пальцы цветы, чтобы он слушал их хрупкость, какой не обладают на самом деле люди, которых он вскрывает. Хрупкость обостряет чувства и придает сил.

– Никогда не бывает случайностей. Есть всегда нити, их переплетения, сложные узлы нашей действительности. Вот если встречаешь кого-нибудь, то никогда нельзя думать, что это случайность. Напротив, есть лески и крючья, иногда надрывающие кожу, но надо терпеть. И еще – всегда нужно ждать своего, никогда не обрывать дверные ручки зря. Просто дверь еще не открыта или нельзя тебе пока в нее. Это так с людьми, ты веришь в случайные встречи?

– Мне было дано всего одно желание, я выбрал оказаться где-то рядом, – пожал плечами Тео, бросая камешек в воду.

– Ну, – я подал ему еще один, чтобы ему не пришлось наклоняться, – вот я не верю. Разве ты не замечал ночью, что кто-то целует тебя в лоб и говорит, что обязательно приведет тебя? Это тебя успокаивают, дают шанс понять что-то важное, только многие не хотят замечать. И вот когда просыпаешься, то нужно не забыть эти послания.

– Я еще не просыпался, наверное. Когда обретают смысл круги на воде?

Тео стоял над водой, и звенящее лето высекало на его белоснежной груди бронзовые линии. Они были похожи на те линии, которые он проводит: две от ключиц, они смыкаются ближе к сердцу, а потом превращаются в стремительный штрих, будто штиль ноты, огибают впадину пупка осторожно и заканчиваются тихой остановкой у лобка. Это музыка, вся жизнь в людях, как натянутые струны виолончелей и контрабасов. Все звучат в разных тональностях, я лишь веду свою партию от первого до последнего такта, говорил Тео. На сверкающей заводи расходились круги, я жевал сосновую иголку. Тени сосен в полдень выгорали на песке и тонких пальцах твоих ног, нас накрывало молчание и дремота.

Кожа – это прелюдия чувства. Акварельное плато наше млеет, разогреваясь все сильнее. Сухой воздух лижет кадык, руки и живот позолочены, мы ощущаем себя живыми в этом пределе. Яркий закат, возвращение в надежде, что завтрашний день нас излечит от мучений, рожденных среди панельного леса. Лужи в масляных пленках, цвета побежалости, высокие заборы отделяют от свежести. Ориентируемся только по сигналам

светофора в удушие вечера и объездных дорог. Город нас стирает в пыль, а хочется быть иногда диким, ногти погружать в жирную землю, в улыбках видеть блеск стрекозы, а не фарфор.

Недавно полынь и даже самый высокий осот перестали касаться твоих мягких ступней, лицо поменялось. Что-то сверкнуло на затылке – паутина или седина? Ты спросил меня о смерти, но я не смог ответить. Ты пообещал встретить меня неслучайно.

Тео

Ливень. Однажды весь мир исчез во тьме, и только редкие вспышки выжигали дождь в моих глазах. Он лил мне на щеки, на шею, на плечи, затекал за ворот, бежал по спине. Почему люди не любят дождь, спрашивал я себя, проходя вдоль цветущих пионов в радужных каплях. Быть человеком, чувствовать, иметь впервые имя, рост, лицо, тяжелое сердце. Это билет в один конец, дальше – только смерть. Что это такое? Я не знаю. Возможно, смерть и есть жизнь, процесс умирания, движение солнца, сон кошки, что не знает ничего о времени, никуда не торопится. И я не знаю.

Я хотел увидеть людей изнутри, стал врачом, изучил разрезы. Теперь вижу насквозь их, но что-то скрыто от меня во мне самом. Сиреневым цветком клевера, волной, огнем свечи, – проживая бесконечные жизни, я не знал, что это на самом деле. Все до этого были лишь прекрасные отблески явлений, я ловил солнечных зайчиков от людских зеркал, их судеб и движений. Сколько пальцев у дерева? – только сейчас я задаю себе этот вопрос, будучи человеком. И я боюсь не успеть на него ответить. Я боюсь не успеть совсем ничего, бегу в растерянности, а мир пролетает мимо моей ладони.

Обыденно я рассматривал новое тело, привезенное сегодня утром, не решаясь опустить нож. Они все усыхают после смерти, как розы в букете. Это нужно заканчивать, я здесь слишком долго, я никуда не пришел. Беззвучные голоса и пустые станции вошли в меня глубоко вместе с именем, снег пахнет зеленым, я хочу дышать зимой, чтобы хрустело в легких, но воздух слишком тяжел. Все спящие похожи на шелесты травы, на свисты птиц по утру, а их глаза высечены вечным небом. Внутри все замирает в ожидании, в нежности, в жалости. К ним, к –

***

Тео не знал – и это его мучило, выскребало внутри царапины и знаки – материнской любви, не знал любви к животным, не знал любви человека, даже физической. Он боялся спать с теми, кто нравился ему, он боялся теплого тела и происходящих в нем процессов, вздохов и поднятий. Он пытался разгадать взгляд Севера, был весь в мелкой дрожи от прикосновений прохладных пальцев к его тонким лодыжкам, но не осмеливался сказать ни слова, как-то благоговей перед этим невысокого роста парнем, поднимающим окурки за соседями в подъезде, чтобы потом затянуться глубоко. Я покупаю сигареты, говорил Тео, почему ты так со мной? Ну, попроси у меня денег, купи, что захочешь сам: одежду, выпивку, купи себе торт, давай будет праздник. Ты заболеешь, это же грязно, перестань, пожалуйста, мрачно причитал Тео снова и снова. А Север только качал головой, улыбался и продолжал гладить лодыжки любовника. В конце концов, думал Тео вечерами, ну чем я хуже него? Что не так со мной?! И в отчаянии не клал сахар в чай.

Работая с мертвыми телами, Тео не испытывал страха перед тем, что его ждало, но вместе с этим он перестал чувствовать и привязанность к жизни. Да, она радовала его и дарила множество впечатлений от каждой секунды, от каждого вдоха, однако что-то свербело глубоко внутри. Он не мог ни разу сказать, что белые-белые облака – они его, что зеленые бутоны дремлющих маков – его, едва уловимые запахи разогретого летнего луга – его. Все было мимо и мимо, все оставляло ноющую пустоту, все было едва

заметным, слишком быстрым, слишком смертным. Тем временем асфальт становился все дальше, это больше замечали прохожие, чем сам Тео.

Иногда после работы он сворачивал с обычной дороги и уходил глубоко в лес, где пытался обрести понимание. Ему казалось, что только бирюзовые кроны вечернего часа могут разделить с ним это смятение, но ошибался и шел глубже и глубже, к темному затону. Там он сидел до ночи, бросая в воду камешки, слушая их звучные шлепки, глядя на мелкие пузырьки и вихри ила, поднимающиеся со дна. Песок больше не отдавал тепла, и поталь заката не оседала на губах в улыбке.

Закричать, зареветь, думать Тео, как режут звери, но нет сил. Я не могу коснуться земли и поранить ногу, почувствовать холод камней, боль, теплую кровь. Щеки горят... Возможно, в последний раз. Поднимается туман, осень, застывают лужи. Я больше не услышу треск и скрип льда утром, наступив на тонкую корочку. Наверное, я уйду раньше, чем выпадет снег, и не успею увидеть, как он ложится на плечи Севера. Его плечи. Почему мне хочется сейчас так обнять его? Он мог быть скрипачом (или альтистом, хотя это грубый для него инструмент), а скрипка бы касалась его плеч с любовью. Может, в следующей жизни я смогу стать этой скрипкой. Так давит сердце, оно тяжелое и горячее, красное, большое. Сердце, только ты тянешь меня к земле еще, верно? Нет, это не мясо, это больше.

Есть ли ответ на вопрос моего пребывания здесь? Я слишком далеко от Него, мне и не приблизиться, чтобы получить ответ. Но когда Север рядом, все ключи становятся одним, а двери теряют замки. И если это любовь, то и она – умирание? Шанс прекрасного прощания, который был дан мне?

Север

Я скоро умру, сказал он мне. Я знаю, Тео, хотел ответить я, но не смог. И мы продолжили молчать. Я не чувствую смирения, вдруг прошептал он среди ночи. Не бойся, не бойся, говорил я, это ненадолго, я обещаю. Это не страшно, продолжал я, что бы ты хотел? Я не думал об этом, ответил он. Ты ведь не умирал никогда, откуда знать тебе? Он так говорил. Шли часы, дни за днями проходили в молчании. Тишина сводила с ума, мне начало казаться, что я слышу, как стонет арматура в стенах, а кровь бежит по сосудам соседей. Мне приходилось включать воду и просто смотреть на нее, убеждаясь, что звуки еще существуют, что я еще существую. Я здесь, рядом с ним, я рядом, нужно просто пережить это. Пере-жить. Слова. Порхают мотыльками под потолком, лезут в глаза, под одежду. Трепет, бабочка сложила крылья. Этот октябрь никогда не закончится, подумал я, прогуливаясь по городу. Этот октябрь никогда не закончится, говорил Тео, морщась от боли утром.

Я видел его нежелание идти в больницу, даже думал сам выйти на работу, но Тео, кажется, сейчас нужно было быть именно там, в своем кафельном убежище. Один на один со смертью – куда уж ближе? Это он так шутил. Да, Тео, куда ближе, когда ты каждый вечер ужинаешь со смертью, ходишь с ней в кино, стыдливо поджимаешь губы, когда она моет тебя в ванной, потому что сил твоих не хватает даже на поднятие кружки. Так что там ты даже дальше от нее, чем думаешь. Но тебе нужно принять это, перестать надеяться, а пока этого не произойдет, твоя боль не утихнет, я все время буду рядом, я буду ждать.

– Белые? – Тео взял букет и с недоумением посмотрел на меня.

– Желтых не было, – ответил я, снимая шапку. – Ну, прости.

– Я бы...

Он хотел сказать, что и сам мог купить цветы в таком случае, но осекся, потому как ветер относил его к самой верхушке фонарного столба, откуда он не мог спуститься без посторонней помощи.

– Да, белые – это хорошо, – заключил он, поджав губы.

– Не сердись. Поставь чайник, я пока переоденусь.
– Хочу, чтобы был снег! – крикнул он мне вслед. – Ты спросил о моем желании. Я бы хотел, чтобы вокруг был снег, чтобы мороз, птицы падали с веток. Вот как ты.
– А-а, – протянул я, надевая домашние штаны, – и все?
– Да. – Он набрал в вазу воду и поставил цветы. – Хочу на улицу, смотрю целый день в окно, а там ничего не происходит, точно повесили плакат за стекло. Все такое серое, сухое, плоское... Почему нет людей вокруг?
– Они есть, но когда ты влюблен, то не замечаешь их.
– Не давай им меня вскрывать, я не хочу, чтобы они рылись внутри, взвешивали меня, разбирали. Я не мясо, я же не мясо...
Он плакал. Я не видел мужчин в слезах, всегда думал, что это ужасное зрелище. Но он стоял передо мной в растянутой футболке, со спутанными волосами, которые из-за длины пришлось небрежно завязать в хвост, с резко поседевшей бородой, теплый и домашний, вызывающий странные движения внутри. Нет, лицо Тео оставалось спокойным, как всегда, только изгибистая морщина дернулась над его переносицей, а на ресницах блестели капли. словно дождь или роса, подумал я.
– Не хочу умирать, – прошептал он. – Я боюсь.
– А если я умру с тобой? Со мной тебе будет страшно?
– А? С тобой и в аду гореть не так страшно... Я, кажется, чувствую к тебе что-то. Прости меня. Вот уже больше года ты все время где-то здесь, незаметно прячешься в тених больших окаменелостей, куришь, когда я ем. Из-за тебя вся моя одежда пропахла дымом. Я ничего о тебе не знаю. Мы так редко говорим, правда ведь?
– Да. – Я кивнул и выключил свет в коридоре. – Пойдем.
– Включи, я не вижу тебя.
– Вот моя рука, ты ее чувствуешь. Держи меня, потому что я слышу рядом твое дыхание, иди со мной. Тебе не больно, правда ведь?
– Не больно. – Он столкнул вазу, вода в темноте свободной рукой, вода брызнула нам на ноги, обожгла холодом. – Между нами цветы, все время только цветы. Почему?

Тео

Поцелуи. Они покрывают меня с щек на шею, на плечи, затекают за ворот, бегут по спине и далее, и далее. Быть человеком, чувствовать, иметь впервые тяжелое сердце, твои поцелуи, уметь щадить и сочувствовать. Я чувствую, как земля уходит из-под ног, я чувствую погружение вверх, я чувствую круги за спиной: желтые, красные, розовые. Что это – круг света зажат в твоих пальцах, белесые черты расходятся вдоль ребер, тонкие нити жизни, строчки первобытной поэзии, когда не было еще языка. Деревья сходятся, опутанные черным вьющимся плющом, ветер треплет их кроны, как я треплю твои волосы.

Он убирает за мной дерьмо, обтирает меня губкой, варит жидкий суп, чтобы с ложки вливать его мне в рот, читает вслух книги, чтобы я уснул, он все время рядом. Накатывает тошнота. Иногда я просыпаюсь и вижу вокруг цветы, но не могу пошевелиться, от этого мне кажется, что я уже в гробу. Меня не должно быть, я хочу избавиться Севера от этого кошмара. Так холодно... С кровати я уже не мог вставать, глотать становилось тяжелее, но еще тяжелее было смотреть на то, как твое немощное тело с выпирающей грудной клеткой и тонкими ногами моет этот мальчик. Я не воспринимал его как мужчину, даже мальчиком никогда не называл. Для меня он был просто человеком, проявившим нежность, человеком, в чью душу я влюбился. Я понял, что так и не научился думать как мужчина или женщина. Я все еще стебель клевера где-то среди таких же цветов. Я все еще прах и земля, из которой появился. И ничего не меняется вокруг в сути своей, только внешне, другие обстоятельства существования.

Запах чистой простыни смешивается с холодным ароматом хризантем, через форточку в комнату залетела снежинка, потом еще одна и еще. Они кружились под потолком, расцветали в золотом свете, осыпались на мое лицо, словно пушистые шарики мимоз, а сердце колотилось все сильнее. Тень Севера возникла на голубой стене, дохнула на меня свежестью, протянула руки. Становилось все холоднее, на ресницах появился иней, вот-вот заледенеют глаза и оцарапают веки.

– Мы бросаемся вниз с крыш покинутых домов и мимо печальных окон рассыпаемся снегом, – сказал Север, сказала его тень. – Ветер поднимает нас высоко над землей, уносит в черное небо, там мы загораемся ярче звезд. Ведь ты не видишь звезд среди туч, а людям надо их видеть, так они будут надеяться на что-то, возможно. И они смотрят на нас. Ты был так одинок, так несчастен. – Север поднял Тео за руку, словно тот ничего не весил, и повел его сквозь окно в густую синеву вечера.

– На самом деле люди умирают только от невозможности больше жить, – сказал Тео, рассматривая сверкающий город. – Нужно лишь дать невозможности название, чтобы оправдать ее. Я видел тебя еще до нашей встречи, ты помнишь, тогда в ветках рябины? Снегирь с пламенной грудкой, упавший в сугроб от холода. В его глазах отражался ты за секунду до, а вскрывая людей, я видел тебя в лицах после.

– Смерть всегда ненадолго, но у каждого она заканчивается по-своему. Нужно знать, как уходить, как возвращаться. – Север опустил Тео на одну из крыш и помог ему лечь в снег. – Сейчас надо закрыть глаза, только насовсем, словно целуешься, с таким же ожиданием. Поначалу можно удариться зубами или носом, но потом привыкаешь, научаешься. Понимаешь, нельзя жить, если ты еще не умирал.

– Вот мне всегда хочется сказать, сказать что-то важное, – сонно бормотал Тео, – но каждый раз забывается, словно сон. И я не успеваю. Север, – испугался он, – ты только не отпускай меня, ладно? Ты только не отпускай меня, ладно? Мне кажется... А испуганные лица там, Север, ты видишь? Ты только не отпускай, ладно?

– Конечно, конечно.

Мое завещание, наспех вычерченное пальцем на снегу восьмого декабря: *«В моих околомертных переживаниях прошу не обнаруживать ничего криминального, следов насильственной смерти не искать и сердце не взвешивать, доверить это только рукам горячо любимых мною людей (Север). Уход мой был естественен и не отягощен злыми умыслами недоброжелате...»*, – а остальное разнесло ветром по городу утром.

Север

На похоронах я не знал, кто были эти в черном, многочисленные и с выученными стонами. Предлагали сделать голос в компьютере твой, чтобы я слушал его, но зачем? Принесли гвоздики, а они напоминают мне узловатые пальцы старух всегда, зачем? Я шел домой, чувствуя, как жар печи оставил на губах подтекст будущих слез; шел и не понимал, что же произошло. Я видел столько людей, что со мной вместе шли не теми дорогами, видели за каждым поворотом петли, ласкали себя и слонялись без дела, – в них чего-то не хватало всегда. Конечно, я чувствовал себя с ними нужным, ведь они так меня ждали, так звали усердно, оставляя засечки на истончившейся коже, а все равно было иначе.

Я начал выпивать, потом стал пить, пока не понял, что не чувствую тошноты и опьянения. Я боялся подойти к кровати, где все еще был твой запах, твой след, окружил ее вазами и бутылками, а в них ставил желтые хризантемы. И сидел напротив, у окна, – так я успокаивал себя, что между нами только цветы, а не что-то крупнее. Но тогда, в день до твоего возвращения, когда был утренний воздух бел и жесток, когда я шел вдоль высоковольтных, а трава обнимала мои колени, – я осознал, что никто не возвращается по своей воле, но ведь у тебя есть я.

Теперь ты рядом, к тебе добра ночь и нежен день, тебе некуда бежать, тебя никто не ранит. Ты теряешь слезы, теряешь страхи, оборачиваешься, чтобы увидеть их, но то лишь сирень расцвела. Ты горишь поцелуем, хотя он выжжен теперь на твоих губах, а не согрет. Я думаю, хорошо ли зелены твои глаза, когда ты щуришься от яркого света, насколько мягка твоя ладонь в момент, когда ты касаешься ей шеи, чтобы смахнуть капли дождя.

Все же, ты умираешь. Я приношу цветы. Пока ты не знаешь боли, погруженный в радость, дождь капает тебе на щеки, на шею, на плечи, затекает за ворот и далее. И ты одет в этот ливень, а я – в тебя, но не проходит этот жар внутри, от которого так холодно, что царапают сердце все твои улыбки. Смахнуть иней с ресниц, чтобы ты не заметил, попытаться сложить слова в фразу, чтобы прервать молчание, только зачем? Это странно – наблюдать, как на твоём лбу снова появляется изгибистая складка, понимать, что вновь холодает, а земля отдаляется от тебя.

Мне страшно видеть, как от тебя остается тень, след самолета в небе, взмах израненного крыла. Зимние крыши – такой ненадежный материал для завещаний... Ты словно уже не существуешь, а есть слепок, негатив момента, твоя мимолетность. Похожий на бабочку, завтра ты примешь форму пепла, трава будет обнимать мои колени. Внутри Южного Креста в полушарии левых ребер я живу, представляю, как болезненно приходит понимание того, что раньше казалось горьким. Бесконечные стебли хризантем падают в воду, холодные брызги летят мне на руки, но я их не чувствую, потому что холод уже во мне самом. Можно закрыть окна, укрыться одеялом, уснуть в крематории, но он не пройдет никогда.

Восторженно ты будешь наблюдать за снегом, ведь важно, чтобы тебя ничего больше не беспокоило. Ты учишь меня щадить, хотя я думал, что смерть совершенно сострадательна к любящим. Я понимаю. Боль уйдет, от нее останется талая вода, ты забудешь черный вкус огня, ляжешь рядом. Как нежно ты беспомощен, Тео, прижимаешь меня к себе, целуешь волосы и ладони. Ночью, в свете фонаря за окном, я смотрю на твое спокойное лицо, на подрагивающие ресницы, которые я сам опущу, содрогаюсь. Ты еще меня помнишь, а я себя, кажется, забываю, живу тебя, сколько еще осталось сил, только слышу рядом твое дыхание. И мне хочется его прекратить.